

Фольклористика

ФАЛЬКЛАРЫСТЫКА

FOLKLORE STUDIES

УДК 398.2(=161.3) + 398.2(=581)

ЛЕГЕНДА В БЕЛОРУССКОМ И КИТАЙСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ЖАНРА

ЧЖАН СЮНЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. С точки зрения белорусской и китайской эстетических парадигм рассматриваются специфика жанра легенды, его историческая поэтика, динамика изменения, соотношение с мифом, классификация. Делается вывод о существовании разных стратегий интеграции и взаимодействия фольклорных жанров в рамках данных культурно-исторических условий. Для белорусской традиции характерна последовательная смена нарративов (модель миф – легенда – сказка) в направлении снижения сакральности и нарастания функциональности повествования. В китайской культуре мифологический и легендарный нарративы сосуществуют и имеют равный аксиологический и концептуально-дискурсивный статус. Высказывается предположение о последовательном возникновении жанровых видов легенды (от мифологической к исторической и социально-утопической). Мифологическая легенда актуализирует сюжетную, персонажную и образную структуру мифа в новых условиях.

Ключевые слова: легенда; миф; жанр; жанровые виды; легенда в белорусском фольклоре; китайская легенда.

Образец цитирования:

Чжан Сюнь. Легенда в белорусском и китайском фольклоре: теоретико-методологические аспекты идентификации и классификации жанра. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2025;2:76–83.
EDN: BSDEAI

For citation:

Zhang Xun. Legend in Belarusian and Chinese folklore: theoretical and methodological aspects of genre identification and classification. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2025;2:76–83. Russian.
EDN: BSDEAI

Автор:

Чжан Сюнь – аспирант кафедры теоретического и белорусского литературоведения филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Т. А. Морозова.

Author:

Zhang Xun, postgraduate student at the department of theoretical and Belarusian literary criticism, faculty of philology.
503216044@qq.com

ЛЕГЕНДА Ў БЕЛАРУСКІМ І КІТАЙСКІМ ФАЛЬКЛОРЫ: ТЭАРЭТЫКА-МЕТАДАЛАГІЧНЫЯ АСПЕКТЫ ІДЭНТЫФІКАЦЫІ І КЛАСІФІКАЦЫІ ЖАНРУ

ЧЖАН СЮНЬ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржавны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анатазыя. З пункту гледжання беларускай і кітайскай эстэтычных парадыгм разглядаюца спецыфіка жанру легенды, яго гістарычна паэтыка, дынаміка змены, суадносіны з міфам, класіфікацыя. Робіцца вывад аб існаванні розных стратэгій інтэграцыі і ўзаемадзеяння фольклорных жанраў у рамках гэтых культурна-гістарычных умоў. Для беларускай традыцыі характэрна паслядоўная змена наратывав (мадэль *міф – легенда – казка*) у напрамку зніжэння сакральнасці і нарастання фікцыянальнасці апавядання. У кітайскай культуры міфалагічны і легендарны наратывы суіснуюць і маюць роўны аксіялагічны і канцептуальна-дыхскурсіўны статус. Выказваецца меркаванне аб паслядоўным узнікненні жанравых відаў легенды (ад міфалагічнай да гістарычнай і сацыяльна-утапічнай). Міфалагічная легенда актуалізуе сюжэтную, персанажную і вобразную структуру міфа ў новых умовах.

Ключавыя слова: легенда; міф; жанр; жанравыя віды; легенда ў беларускім фольклоры; кітайская легенда.

LEGEND IN BELARUSIAN AND CHINESE FOLKLORE: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF GENRE IDENTIFICATION AND CLASSIFICATION

ZHANG XUN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. From the perspective of Belarusian and Chinese aesthetic paradigms, the article examines the specifics of the legend genre, its historical poetics and dynamics of change, relationship with myth, classification. A conclusion is made about different strategies of integration and interaction of folklore genres within the framework of these cultural and historical conditions. The Belarusian tradition is characterised by a sequential change of narratives (the model *myth – legend – fairy tale*) towards a decrease in sacredness and an increase in the fictional nature of the narrative. In Chinese culture, mythological and legendary narratives coexist and have equal axiological and conceptual-discursive status. It is suggested that the genres of legend emerge sequentially (from mythological to historical and socio-utopian). The mythological legend actualises the plot, character and figurative structure of the myth in new conditions.

Keywords: legend; myth; genre; genre types; legend in Belarusian folklore; Chinese legend.

Введение

Жанровая идентификация легенды как особого стилистически упорядоченного нарратива является проблематичным вопросом в современной фольклористике, на который нет однозначного ответа. Авторитетный белорусский историк, этнограф, фольклорист М. Я. Гринблат в предисловии к академическому изданию белорусских легенд и преданий 1983 г. отметил: «Між тым да гэтага часу беларускія легенды і паданні не зрабіліся прадметам спецыяльнага і сістэматычнага зборання і таму амаль зусім не даследаваны» [1, с. 5]. На неразработанность теории жанров несказочной прозы, отсутствие упорядоченной жанрово-видовой классификации и четкого терминологического аппарата указывают как белорусские, так и китайские современные фольклористы.

В белорусской фольклористике жанр легенды рассматривался в контексте несказочной прозы в хрестоматии «Беларускі фольклор»¹, статье А. В. Титовца из книги «Народная проза» [2], вступительной статье М. Я. Гринблата к изданию «Легенды і паданні» [1 с. 5–30], разделе учебного пособия И. В. Казаковой². Жанрово-видовую классификацию несказочной прозы в целом и легендарной прозы

¹Беларускі фольклор : хрэстаматыя / склад.: К. П. Кабашнікаў [і інш.]. Мінск : Выш. шк., 1996. С. 20.

²Казакова I. В. Беларускі фольклор : вучэб. дапам. Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2007. С. 125–129.

в частности предложили фольклористы из Белорусского государственного университета (Р. М. Ковалева, Т. В. Лукьянова, О. В. Приемко)³.

Т. В. Лукьянова описала жанр легенды наряду с жанрами былички, сказа, небылицы, анекдота и разработала феноменологическую типологию жанров несказочной прозы⁴. Применение феноменологического подхода позволило рассмотреть категорию жанра как системы ментального и эстетического порядка. С помощью феноменологического критерия, выступившего в качестве дифференциального признака жанров несказочной прозы, была уточнена и специфика жанровой модели художественного мира легенды: «Мастацкі свет легенд выбудоўваецца вакол падзея. Гэта абумоўлівае адмысловыя адносіны да дзеяння легенд і іх герояў. Падзея заўсёды вызначаецца ў большай ці меншай меры, а важнасць лепш бачыцца на адлегласці. Гэта тлумачыць тое, што большасць падзей у легендах адбываецца ў даволі да-лёкім мінульым і персанажы, што трапілі ў поле іх здзяйснення, у значнай ступені міфалагізаваныя»⁵. В качестве жанрообразующих признаков легенды Т. В. Лукьянова отметила историко-мифологическую событийность, линейное время (от первоизрения до эсхатологического конца), а также бинарность хронотопа, разделенного на «земной» и «божественный».

В современной китайской фольклористике исследование народного эпоса представляет собой важное направление, которое охватывает широкий спектр вопросов, связанных с культурными, историческими и социальными аспектами мифологии и фольклора. Как правило, специалисты изучают легенды в сопряжении с мифологией, философией и идеологией.

В работе [3] Лю Юцин раскрыл специфику мифологии и фольклора Китая в аспекте культурной диахронии. Он отметил, что китайская мифология, в отличие от европейской, не является отдельным культурным феноменом, а, скорее, включает в себя идеологические и социально-этические формы, актуальные на разных этапах историко-культурного развития. Так, в период правления трех государей и пяти императоров мифы рассматривались как способ изложения истории, в эпоху царствования династий от династии Цинь до династии Цзинь мифология в основном отражала философию и теорию, в период правления династий Юань и Мин содержание мифологии было обращено к религиозному опыту.

Сяо Ю рассмотрел китайские мифы, легенды и сказки с точки зрения аналитической психологии [4]. Он сосредоточился на анализе важных восточных символов «лун» (дракон) и «цилинь» (единорог) и их аналогов в западной культуре, исследовав их на архетипическом и культурном уровнях. Также автор обозначил возможную терапевтическую ценность китайских мифов для человеческой психики.

Раскрытию культурной значимости и функций китайских легенд посвящена диссертация Тун Даньданя [5]. Он исследовал историю изучения народных эпических жанров в китайской фольклористике XX–XXI вв., указал на отсутствие общепринятой классификации разных фольклорных жанров и отметил, что не существует их однозначных трактовок. Кроме того, ученый выявил и интерпретировал культурные смыслы и функции народных легенд, а также определил их роль в современной культурной жизни Китая.

Белорусские и китайские легенды не становились предметом сравнительно-сопоставительных исследований с позиции этнопоэтики. Тем не менее ученые из Беларуси и Китая сходятся во мнении о том, что в силу историко-мифологической доминанты легендарной модели мира и значимости повествования для поддержания национальной идентичности изучение легенд является важным как для современной науки, так и для культурных и социальных контактов народа. Именно исследование легендарной прозы позволяет проанализировать проблемы эстетической интерпретации истории, характерологии и национальной картины мира в ее диахроническом и синхроническом аспектах. Таким образом, цель настоящего исследования заключается в рассмотрении вопросов специфики жанра легенды (исторической поэтики и динамики, соотношения и взаимодействия с мифом, жанрово-видовой классификации, характера бытования) в рамках национальных – белорусской и китайской – эстетических парадигм.

Результаты и их обсуждение

В XIX – начале XX в. выделение легенд в качестве особого жанра не имело убедительных оснований. В сборниках фольклора мифы и легенды размещались в одном разделе со сказками и другими жанрами народного эпоса. Европейский фольклорист-синолог XIX в. Э. Вернер попытался обосновать различие данных жанров: «Если мифы посвящены вопросам происхождения мира и существующего порядка вещей, то легенды связаны с местными событиями, они носят более локальный и земной характер. <...>

³Ковалева Р. М., Лукьянова Т. В., Приемко О. В. Фольклористика : учеб.-метод. пособие : в 3 ч. Ч. 1. Основы теории фольклора / под ред. Р. М. Ковалевой. Минск : БГУ, 2021. 203 с.

⁴Лук'янава Т. В. Няказавыя жанры беларускай фальклорнай прозы: фенаменалагічны аналіз : дапам. для студэнтаў філал. фак., якія навучаюцца па спец.: 1-21 05 01 «Беларуская філалогія», 1-21 05 02 «Руская філалогія», 1-21 05 04 «Славянская філалогія». Мінск : БДУ, 2010. 102 с.

⁵Там жа. С. 70.

<...> В отличие от мифов бытование легенд оказалось более длительным» [6, с. 64]. Вместе с тем в разделе легенд своего труда «Мифы и легенды Китая» исследователь разместил рассказы из аутентичного сборника китайских мифов VIII–III вв. до н. э. «Книга гор и морей». Таким образом, указанные Э. Вернером характеристики не могут быть признаны основанием для определения жанров мифа и легенды.

Четкого разграничения мифов, преданий и легенд нет и в издании Чжан Тунъяна, Ху Фанфана и Янь Синье [7]. В частности, об этом свидетельствует текст аннотации: «...[в книгу] вошли самые интересные китайские легенды и предания. Многие из них, например легенда о всемирном потопе, схожи с европейскими, многие отличаются от них, но все они открывают увлекательный и интересный мир китайской мифологии» [7, с. 2].

Трудности в дифференциации рассматриваемых жанров неслучайны. Их возникновение объясняется постоянным расширением границ мифов в процессе их развития, а также присоединением к ним близких по жанру форм: «Первой такой формой стали легенды. В народе легенды часто называют мифами, и сейчас их очень трудно отделить друг от друга. В качестве примера можно привести текст “Хоу И стреляет в солнце”, в котором главными действующими лицами являются и человек, и божество...» (перевод наш. – Ч. С.) [8, с. 67]. Так, ряд европейских авторов (Б. Малиновский, Э. Тайлер, К. Леви-Стросс, Р. Лаури) рассматривали легенду и миф как взаимопроникающие формы повествования, имеющие сходные функции (объяснение главных вопросов бытия, природы, космогонии, теогонии и антропогонии) и основанные на едином корпусе концептов и символов.

Следует отметить, что В. Е. Гусев в соответствии со сходным эстетическим отношением эпоса к действительности причислил мифы, легенды, сказки-былички, мифические песни и духовные стихи к единому типу эпоса – религиозно-мифологическому [9, с. 103]. В собрание белорусских легенд и преданий «Легенды і паданні» [1] включены мифологические рассказы «Адкуль свет пайшоў», «Як узниклі балоты», «Сатварэнне чалавека» и т. д.

Жанровая идентификация легенды усложняется отсутствием логически выстроенной теории жанра в фольклористике. Исследователь В. П. Аникин отметил: «...мы не решимся утверждать, что проблема жанра разъяснена. Остается еще достаточно много вопросов, на которые нет ответа» [10, с. 102]. Проблему релевантности выделения того или иного жанра в фольклоре обозначил В. Я. Пропп в статье «Принципы классификации фольклорных жанров». Ученый полагал, что понятие «жанр» имеет условный характер, особенно по отношению к фольклорным жанрам. Сложность состоит в определении жанрообразующих признаков, при этом ни один критерий в отдельности, как правило, еще не характеризует жанр [11]. Поскольку фокус интересов В. Я. Проппа был направлен на сказку, все остальные жанры фольклора исследователь квалифицировал как досказочные и послесказочные: «...обряды, мифы, формы первобытного мышления и некоторые социальные институты я считаю досказочными образованиями, [с]читаю возможным объяснить сказку через них.

Но сказкой не исчерпывается фольклор. Есть еще родственный ей по сюжетам и мотивам героический эпос, есть широкая область всякого рода сказаний, легенд и т. д.» [12, с. 251].

Согласно В. Я. Проппу жанры возникали в такой последовательности: миф – сказка – легенда. Некоторые ученые, например А. М. Жердева, располагают сказку и миф после легенды, рассматривая ее как более древний жанр: «Легенда – это просто одна из наиболее наивных и ранних форм мифотворчества, которая вновь и вновь возникает во все эпохи и взаимодействует с уже сложившимися мифическими представлениями более поздних культур»⁶.

По мнению автора настоящей статьи, для белорусской фольклорной традиции релевантна модель *миф – легенда – сказка*, компоненты которой выстроены в направлении снижения сакральности и нарастания функциональности повествования. Вместе с тем в белорусской фольклористике на разных этапах культурного развития прослеживается тенденция к взаимодействию жанров. К формам такого взаимодействия Н. И. Кравцов отнес взаимовлияние, взаимообогащение, соединение, слияние или, точнее, переход одного жанра в другой [13]. Их возникновение обусловлено разными причинами. С одной стороны, фольклор существует как полигементная система, синтезирующая различные жанры и их виды. С другой стороны, фольклор (в диахронической перспективе) взаимодействует как с мифологией, так и с литературой. Белорусские ученые называют взаимоизложение жанров в переходную эпоху мифо-исторической интеграцией⁷. В качестве примера результата подобного процесса выступают древнейшие

⁷Ковалева Р. М., Приемко О. В. Интегративная фольклористика : учеб.-метод. пособие. Минск : БГУ, 2017. С. 32.

легенды: «Историческая тема заселения территории Беларуси славянскими племенами неизбежно воплощалась в легендарной форме с использованием мифологических мотивов (“Адкуль пайшлі беларусы”, “Палешукі і палевікі”, “Векавечная мяжа” и т. п.)»⁸.

Основанием для жанровой интеграции мифа и легенды является общая мифосфера (термин Р. М. Ковалевой). Следует отметить, что «в ней выделяются концептированные сферы – части мифосферы, где базовая идея – мифологическая или мифоритуальная, интегрируясь с фольклором, получает жанрово-видовое оформление (заметим при этом, что они существуют не изолированно одна от другой, а в сложном взаимодействии)»⁹.

Жанрово-видовая классификация фольклора, в силу специфики данного вида творчества, также вызывает много дискуссий. Как отметили авторы пособия «Интегративная фольклористика», существует путаница в определении терминов «легенда», «предание», «сказка», «легендарная сказка», «историческая сказка», «сказание», «быличка» и т. д.¹⁰ В первом в славянской науке систематизированном своде фольклористических терминов и понятий «Восточнославянский фольклор» указано, что слово «легенда» – «...термин, заимствованный из литературоведения; первоначально – житие святого, написанное для чтения в день его памяти. В фольклористике обозначал устные произведения, связанные с христианской письменностью. Позднее приобрел расширенное значение, относится к прозаическим произведениям, фантастически осмысливающим (на основе распространенных в народной среде религиозных, исторических, социально-утопических, этических воззрений) события, относящиеся к явлениям неживой природы или к миру растений, животных, людей (племен, народов и отдельных личностей), сверхъестественных существ (Бог, святые, ангелы, нечистые духи). Л. (легенда. – Ч. С.) воспринимается рассказчиком и слушателями как достоверное повествование. Объяснительная и нравоучительная функции являются в Л. основными»¹¹. Автор статьи о легенде попытался отграничить легенду от мифа: «В отличие от мифа, подчиненного ритуалу и обращенного к доисторическому мифологическому времени, Л. независима от ритуала, обращена преимущественно к историческому прошлому (изредка к предысторическому, напр., библейскому времени)»¹². Вместе с тем составитель статьи об этиологическом мифе указал на связь мифа и легенды: «Восточнославянские М. э. (мифы этиологические. – Ч. С.) связаны с апокрифами и легендами космогонического содержания, где Бог и Сатана выступают как пара демиургов и трикстеров, из которых один все делает “нормально”, а другой портит содеянное»¹³.

Классификация видов легенды может варьироваться в зависимости от культурных контекстов, целей исследования и подходов различных ученых. Однако основные категории классификации часто являются схожими. Так, выделяют космогонические, топонимические, этиологические, этногонические, зоогенные, религиозные (апокрифические), исторические, социально-утопические и эсхатологические легенды¹⁴. Следует заметить, что приведенная в словаре классификация легенд схожа с классификацией мифов, к которым относят космогонические, эсхатологические и этиологические мифы¹⁵.

Несмотря на слияние китайских мифо-фольклорных жанров, некоторые исследователи попытались выявить различия мифа и легенды. Например, Тун Даньдань на основе анализа работ китайских фольклористов XX–XXI вв. выделил такие критерии для дифференциации, как время появления (легенды возникли позже мифов и стали результатом их эволюции), содержание (содержание легенд более близко к реальности, чем содержание мифов) и специфика персонажей (как правило, главными героями легенд являются люди, а мифов – боги). Тем не менее автор отметил, что при работе с конкретными материалами четко разграничить миф и легенду оказалось трудно [5].

Европейские ученые отличают миф от легенды по генетическому, структурно-семантическому и рецептивно-функциональному аспектам. С точки зрения генетического аспекта можно отметить, что мифы обычно возникают в древних культурах и служат для объяснения основных вопросов бытия, природы, космогонии, теогонии и антропогонии. Они отражают коллективные верования и мировоззрение, передают представления о сотворении мира, богах, героях и первопредках. Мифы имеют сакральный характер, они связаны с ритуальными практиками. Легенды, как правило, возникают позже. Их содержание может

⁸Ковалева Р. М., Приемко О. В. Интегративная фольклористика. С. 32.

⁹Ковалева Р. М., Лукьянова Т. В., Приемко О. В. Фольклористика. С. 135.

¹⁰Ковалева Р. М., Приемко О. В. Интегративная фольклористика. С. 13–14.

¹¹Бараг Л. Г. Легенда // Восточнославянский фольклор : слов. науч. и нар. терминологии / редкол.: К. П. Кабашников (отв. ред.) [и др.]. Минск : Навука і тэхніка, 1993. С. 129.

¹²Там же.

¹³Костюхин Е. А. Миф этиологический // Там же. С. 154.

¹⁴Бараг Л. Г. Легенда. С. 128–129.

¹⁵Костюхин Е. А. Миф космогонический // Восточнославянский фольклор : слов. науч. и нар. терминологии / редкол.: К. П. Кабашников (отв. ред.) [и др.]. Минск : Навука і тэхніка, 1993. С. 152–153 ; Он же. Миф эсхатологический // Там же. С. 153 ; Он же. Миф этиологический. С. 154.

быть связано с конкретными историческими или географическими реалиями, хотя могут присутствовать и элементы фантастики, сверхъестественного. Легенды не обязательно носят сакральный характер. Что касается структурно-семантического аспекта, то мифы часто имеют сложную символическую структуру и включают в себя множество образов, метафор и архетипов. Легенды, как правило, имеют более простую и линейную структуру. Их содержание выстраивается вокруг конкретных событий или персонажей, часто заключает в себе моральный или этический урок. Легенды более вариативны, так как они могут изменяться в зависимости от контекста и рассказчика. В отношении рецептивно-функционального аспекта следует обозначить, что мифы воспринимаются как священные и истинные в рамках культурной традиции, из которой они происходят. Они не подлежат эмпирической проверке и рассматриваются как часть религиозного или духовного наследия. Легенды включают значительную долю вымысла, однако они могут содержать элементы правды или базироваться на реальных исторических событиях. Таким образом, различить миф и легенду можно на основании следующих признаков:

- характера связи между дискурсом и ритуалом (их взаимообусловленность в мифе, дискурсивная автономность в легенде);
- временной отнесенности событийного материала (к доисторической архаике в случае мифо-ритуального комплекса, к историческому прошлому, настоящему или будущему в легенде);
- наличия сакрального элемента (сакральный характер повествования (и ритуального действия) и его рецепции избранными участниками в мифе, сугубо эстетическая, профанная природа легендарной истории).

Следует учитывать, что границы жанров размытаются ввиду динамичности изменения жанровых признаков. Так, фабула легенды, по определению, отнесена к историческому прошлому, но этим прошлым могут быть и предысторическое время, и библейское время (космогонические, этиологические, этногенетические легенды слабо отличаются от мифов). Жанровое содержание легенды («события, относящиеся к явлениям неживой природы или к миру растений, животных, людей... сверхъестественных существ»¹⁶) может быть характерно и для мифа. Генетическую и содержательную связь между данными жанрами подчеркнул и Е. А. Костюхин: «Христианские М. к. (мифы космогонические. – Ч. С.) отразились в апокрифах, народных легендах и духовных стихах, комментирующих шесть дней творения»¹⁷.

По мнению некоторых исследователей, кардинальный уход от священной истории в сторону бытовой и житейской событийности определяет границу между жанрами легенды и предания: «По сравнению с преданием, повествующим лишь о памятном народу прошлом и относительно широко охватывающим историческую и бытовую проблематику, Л. (легенда. – Ч. С.) менее полно воссоздает историческую и бытовую обстановку действия»¹⁸. Однако приведенное обоснование не имеет четких указаний на разницу жанров: признаки «бытовая проблематика» и «бытовая обстановка», «относительно широко» и «менее полно» сложно дифференцировать при анализе конкретных текстов. Учет рецептивно-функционального аспекта также не позволяет однозначно провести границу между жанрами. Ситуация, когда рассказанная история воспринимается и рассказчиком, и слушателем как абсолютно достоверная и священная, может быть связана с контекстом бытования легенды, и наоборот: этиологические мифы – «заключительная страница истории первобытной мифологии, когда мифологические рассказы теряют сакральное содержание и переходят в разряд рассказов с нестрогой достоверностью»¹⁹. Осознание установки на вымысел и признание его художественной легитимности приближают легенду к другому полюсу – сказке, на что указал Л. Г. Бараг: «В случаях, когда в Л. (легенде. – Ч. С.) получает свободное развитие художественный вымысел, она сближается в жанровом отношении со сказкой»²⁰. Объяснительная и нравоучительная функции, считающиеся основными для легенды, свойственны и мифологическим рассказам, особенно как приобретенные в процессе исторической динамики.

Как было отмечено выше, в разных культурных традициях основания для размежевания мифо-фольклорных видов нарративов и, соответственно, для их характеристики сильно отличаются. Так, у индейцев острова Ванкувер, по наблюдениям американского антрополога и лингвиста XIX в. Э. Сепира, легенды обладают большей сакральностью и ограничениями на рассказывание, чем мифы: бытование первых возможно исключительно внутри членов рода, а вторые доступны для передачи всем членам племени. Содержание легенд связано со временем начала рода [14].

При обращении к материалу древнекитайских нарративов задача разграничения жанров мифа и легенды приобретает еще большую дискуссионность. Г. А. Левинтон отметил: «...различие Л. (легенды. – Ч. С.)

¹⁶Бараг Л. Г. Легенда. С. 129.

¹⁷Костюхин Е. А. Миф космогонический. С. 153.

¹⁸Бараг Л. Г. Легенда. С. 129.

¹⁹Костюхин Е. А. Миф этиологический. С. 154.

²⁰Бараг Л. Г. Легенда. С. 128.

и предания действительно для традиций, в которых господствующая религия сменила более ранние мифологические системы (практически это произошло только в культурах христианства и ислама), и затруднительно для тех традиций, где мировая религия (напр., буддизм в Индии) не отменила более ранние мифологические системы, а также для политеистических мифологий, не переживавших кардинальных изменений»²¹. Для древней китайской культуры характерна тенденция к синcretизму различных мифов. В Китае такие социально-этические учения, как конфуцианство, даосизм и буддизм, интегрировались с древними верованиями, изменили их и трансформировались сами. Так, в буддийской иконографии часто встречаются взятые из китайской мифологии образы (мифические звери или фигуры, связанные с даосизмом).

В китайской традиции священная история не противопоставляется мирской, мифология вплетена в морально-этические учения, что делает термин «легенда» всеобъемлющим и широко применимым. Например, легенда о Паньгу, который разделил небо и землю, имеет космогонический характер, но не противопоставляется мирским историям. В легенде о Нюйве, создавшей людей и починившей небо, выделяются элементы священной и мирской историй. Мифы о Юе Великом, который контролировал потопы и основал династию Ся, представляют собой сочетание космологических и моральных учений, поэтому они могут быть квалифицированы и как мифы, и как легенды.

Таким образом, при изучении определенного жанра возникает проблема его ограничения от других жанров и нарративов. Фольклористы из БГУ предложили следующую классификационную парадигму для дифференциации легенды как жанра несказочной прозы: «...род – эпический → класс – несказочная проза → жанр – легенда → жанровые виды – мифологическая, историческая, топонимическая, морально-этическая → жанровые разновидности, например, мифологической легенды – космогоническая, зоогоническая, антропогоническая, эсхатологическая»²². Развивая теоретико-методологические концепции упомянутых ученых, автор данной статьи выдвигает гипотезу о последовательности возникновения жанровых видов легенды (от мифологической к исторической и социально-утопической). Мифологическая легенда (прежде всего космогоническая и антропогоническая) относится к жанровому виду переходного характера, возникшему на стыке мифологической и фольклорной эпох, когда «...интеграция мифа в фольклор сопровождалась сохранением тождественности формы и содержания. Фольклорный образ являлся не условным репрезентантом мифологического, а своего рода его содержанием»²³. Мифологическая легенда – это деритуализированный и отчасти десакрализованный мифологический нарратив, сохранивший мифологический сюжет, персонажей, мотивно-образную систему, но бытующий в других условиях, имеющий иную функцию и несущий изменившееся отношение к повествуемой истории.

Заключение

Для белорусской фольклорной традиции релевантна модель смены жанров *миф – легенда – сказка*. Ее компоненты выстроены в направлении снижения сакральности и нарастания фикциональности повествования. Можно констатировать, что с диахронической точки зрения наблюдалось взаимодействие легенды с мифологическими рассказами (на этапе перехода от мифа к фольклору), а также со сказкой и историческими нарративами (в конце фольклорной эпохи). В настоящее время отмечается контаминация жанров в полидискурсивной сфере фольклорного творчества.

В белорусской и китайской культурных традициях идентификация легенды обусловлена различными культурно-историческими условиями. В белорусской культуре легенда принадлежит к динамической традиции, которая характеризуется сменой мифологической системы на религиозную. В этом контексте легенда связана с мифом диахронически, она отражает переход от мифического дискурса к историческому. Легенда отличается от мифа степенью сакральности, отсутствием связи с актуальным культом, профанностью хронотопа и персонажей. Кроме того, легенда, как неканонический и профанный жанр, находится в оппозиции к евангельскому канону и апокрифам. Специфика бытования легенды в китайской культуре обусловлена непрерывностью традиции, в которой миф и легенда сосуществуют, взаимодействуя и взаимообогащаясь. Соответственно, мифологический и легендарный нарративы имеют равный аксиологический и концептуально-дискурсивный статус.

Таким образом, легенда, в силу интегративного, переходного и маргинального характера, является продуктивным жанром, открывающим обширные перспективы для компаративных исследований этнических оснований картины мира и паттернов национального характера.

²¹Левинтон Г. А. Легенды и мифы // Ruthenia : сайт. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/levinton3.htm> (дата обращения: 25.07.2024).

²²Ковалева Р. М., Лукьянова Т. В., Приемко О. В. Фольклористика. С. 152.

²³Ковалева Р. М., Приемко О. В. Интегративная фольклористика. С. 22.

Библиографические ссылки

1. Грынблат МЯ, Гурскі АІ, складальнікі. *Легенды і паданні*. Фядосік АС, рэдактар. 2-е выданне. Мінск: Беларуская наука; 2005. 552 с.
2. Цітавец АВ. Легенда ў сістэме празаічных жанраў беларускага фольклору. У: Кабашнікаў КП, Фядосік АС, Цітавец АВ. *Народная проза*. Мінск: Беларуская наука; 2002. с. 430–437 (Беларускі фольклор: жанры, віды, паэтыка; кн. 4).
3. Liu Yuqing. A new model in the study of Chinese mythology. *Journal of Chinese Humanities*. 2017;3:1–22. DOI: 10.1163/23521341-12340040.
4. Xiao You. *Archetype and archetypal image in Chinese myths, legends and tales* [dissertation]. Essex: University of Essex; 2018. 333 p.
5. Тун Даньдань. *Народные легенды как феномен традиционной культуры Китая* [диссертация]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2022. 150 с.
6. Вернер Э. *Мифы и легенды Китая*. Федоров С, переводчик. Москва: Центрполиграф; 2005. 365 с.
7. Чжан Тунъян, Ху Фанфан, Янь Синъе. *Мифы и легенды Китая*. Жмак АС, переводчик. 5-е издание. Москва: Шанс; 2023. 271 с.
8. 吴荣章著. 民间文学理论基础. 成都: 四川大学出版社; 1988. 340 页 = У Жунчжэн. *Базовая теория народной литературы*. Чэнду: Издательство Сычуанского университета; 1988. 340 с.
9. Гусев ВЕ. *Эстетика фольклора*. Ленинград: Наука; 1967. 319 с.
10. Аникин ВП. *Теория фольклора: курс лекций*. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 1996. 408 с.
11. Пропп ВЯ. *Фольклор и действительность: избранные статьи*. Москва: Наука; 1976. 330 с.
12. Пропп ВЯ. *Морфология (волшебной) сказки. Исторические корни волшебной сказки*. Москва: Лабиринт; 1998. 512 с.
13. Кравцов НИ. *Славянский фольклор*. Москва: Издательство Московского университета; 1976. 264 с.
14. Sapir E. Indian legends from Vancouver Island. *Journal of American Folklore*. 1959;72:284.

Статья поступила в редакцию 29.01.2025.
Received by editorial board 29.01.2025.